

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО

№

ДЫРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

18+

Тася Мушнина

Дура!

«Автор»

2026

Мушнина Т.

Дура! / Т. Мушнина — «Автор», 2026

Три женщины. Один возраст. Одинаковая смерть. Все они были молоды, успешны и жили одни. Все умерли ночью от острой сердечной недостаточности. Никаких следов борьбы, ядов или очевидных причин. И каждый раз убийца уходил, оставляя после себя чашку. Алиса Любавская — психолог, преподаватель и женщина, привыкшая держать чувства под замком. Она оказывается втянута в расследование, когда следователь просит помочь понять то, чего не замечают другие. Чем больше Алиса изучает погибших, тем отчётливее проступает странная закономерность. Слишком много мелочей повторяется. Слишком много совпадений. И постепенно ей кажется, что убийца выбирает жертв не случайно. Но есть одна проблема. Он умеет становиться своим. Ему открывают дверь. С ним пьют чай. Ему доверяют, а значит, он может оказаться гораздо ближе, чем Алиса думает. И чем глубже она погружается в расследование, тем сильнее стирается граница между профессиональным интересом, собственной жизнью и опасностью, которая уже смотрит прямо на неё.

© Мушнина Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	29
Глава 6	32

Тася Мушнина

Дура!

Введение

Иногда человек всю жизнь ищет своё место. Кто-то находит его легко. Выбирает путь, строит отношения, создаёт жизнь, в которой ему спокойно.

А кто-то продолжает искать даже тогда, когда со стороны кажется, что всё уже давно устроено. Он работает, улыбается, приходит домой, выполняет привычные обязанности и делает всё то, что должен делать обычный человек. Но где-то глубоко внутри всё равно остаётся ощущение, что чего-то не хватает.

Что он живёт не совсем свою жизнь. Люди редко показывают себя настоящих. Мы видим только то, что они готовы показать: уверенность, спокойствие, привычные улыбки, правильные слова. Но за каждой дверью остаётся то, чего никто не видит. Страхи. Ошибки. Одиночество. Желание быть услышанным.

Иногда именно это делает человека уязвимым. А иногда — заставляет его совершать поступки, которых он сам от себя не ожидал. Алиса Любавская хорошо знала людей. Она умела видеть то, что другие пропускали. Разбирать чужие истории, находить причины поступков, замечать детали, которые могли изменить всё. Она привыкла искать ответы в чужих жизнях. Но гораздо сложнее оказалось ответить на вопросы о своей собственной. Потому что самое сложное расследование — это не то, где нужно найти виновного. Самое сложное расследование — это понять себя.

Глава 1

Сегодня особенно погано.

Эта мысль появилась раньше, чем Алиса окончательно открыла глаза.

Она ещё несколько секунд лежала неподвижно, глядя в серый потолок спальни, будто надеялась, что если не вставать, то день просто не начнётся. За окном шёл привычный питерский дождь, грозно мурлыкая громом, и чётко, всё равно как в парадные барабаны, стучал по карнизу.

Алиса нехотя поднялась с кровати, завернулась в одеяло и босиком прошла на кухню. Кофе она сварила машинально. Так же машинально достала сигареты и устроилась на подоконнике, подтянув ноги под себя. За окном медленно текла Фонтанка. Машины двигались по мокрому асфальту, прохожие прятались под зонтами, кто-то торопился, кто-то просто шёл, опустив голову.

«Чёрт возьми, и в такую погоду мне предстоит ехать к Добрякову, ну почему именно сегодня?!»

Хотя причины не ехать, конечно, не было, за исключением дождя, хотя и он не был особой причиной. Просто именно сейчас Алисе очень хотелось вот так просидеть целый день и смотреть на плачущее окно и слушать нежную музыку грома.

Её мир, казалось, трещал по швам, и не было ни одного места, где можно было укрыться от всего этого. И не было никого, кто бы гладил её по голове и уверял, что всё будет хорошо. Она была сильной и уверенной, той, за чьи спины прячутся от страшных бурь, но сама больше всех нуждалась в защите, а защитить её просто-напросто было некому, отчего Лиса год от года становилась всё жёстче, сильнее и несчастнее.

Она отпила кофе и поморщилась — горько. В ней было что-то от Вивьен Ли, но иное, более холодное: белоснежные волосы, чёрные глаза, тонкая кость. Невысокая, хрупкая, она сидела на подоконнике так, буд-то привыкла, что весь мир смотрит на неё. Тяжёлый взгляд исподлобья, надлом в повороте плеч — красота, которая не утешает, а тревожит.

Резкий звонок телефона нарушил всё спокойствие утра, заставив вылезти из уютного кокона и подойти к столику в прихожей, на котором красовался фарфоровый телефон, привезённый матерью из Франции, из-за которого в доме всё ещё стоял этот бесполезный аппарат.

— Здравствуйте, мама! Спешу сообщить, что мы можем даже видеть друг друга во время звонка, находясь где угодно, но вы упорно предпочитаете привязывать меня к этому бесполезному устройству и портить моё утро! — отчеканила она, затем выпустила дым и затаилась снова.

— Если ты не бросишь эту дрянную привычку, твоя кожа станет как пергамент и пожелтеет ещё до того, как тебе исполнится 35!

— Ты мне это обещала до моих тридцати лет и ничего! — она внимательно вгляделась в своё отражение, хмуря брови, как буд-то пыталась найти подтверждение словам матери, но, убедившись, что с ней, во всяком случае пока, всё в порядке, закатила глаза и затаилась снова.

— Я надеюсь, ты не забыла о просьбе Андрея Геннадьевича!? Ты же знаешь, как много он сделал для нашей семьи...

— Я помню! Я уже собираюсь! Как можно забыть обо всех заслугах Андрея Геннадьевича перед нашей семьёй! Без него отца бы просто стёрли в порошок, и ни мне, ни Андрею не видать светлого будущего и карьеры. Я всё помню, мама! — на половине фразы оборвала себя Алиса.

— Ты звонишь и напоминаешь мне это каждый раз, у меня всё в порядке с памятью!

— Не злись и не хмурься, морщин тебе ещё не хватало! — Внешность была предметом гордости для Маргариты Дмитриевны, которая в свои годы не прибегала к радикальным мето-

дам и всячески старалась сохранить это достоинство и в дочери, что унаследовала её генетику. — Я хотела бы пообедать с тобой, как ты освободишься!

— Боюсь, пообедать не выйдет. После лекции у меня ещё две консультации, мне же приходится смещать своих пациентов, поэтому, как ни крути, времени на семью у меня совсем не остаётся. Возможно, заеду в субботу. — с нескрываемым раздражением высказала Алиса.

— Жаль... У меня есть новость, которую мне не терпится сообщить. Хотя, семейный обед в субботу подойдёт гораздо лучше. Решено! В субботу в 13 мы с папой ждём Вас! — воодушевившись, вывалила мама и, не дождавшись ответа, отключилась.

В трубке раздались короткие гудки. «Да, действительно», — с усмешкой произнесла Лиса и положила трубку. Сигарета догорала, и она вернулась к подоконнику, чтобы затушить эту и закурить следующую.

Крепко затянувшись, она до сих пор слышала голос отца, все скандалы и стенания родителей о выборе профессии. Хотя она воспитывалась в любящей семье белых халатов, запаха хлорки и обсуждения диагнозов за ужином, Любавских, Максима Николаевича и Маргариты Дмитриевны, но страсти к медицине никогда не испытывала, и, как ни хотели её родители, выбрала факультет психологии всё в том же медицинском вузе. Но Любавские старшие так и не простили ей этого и из практики психолога тянули её как занозу. «Не вышло врача, так пусть будет преподавателем...» — ругался Максим Николаевич каждый раз, когда просил своего друга, того самого Добрякова Андрея Геннадьевича, затянуть Алису в институт вести лекции, зная, что отказать в просьбе она никак не могла. Хотя ни преподавание, ни студенты не вызывало в ней ничего, кроме раздражения. И пусть лектор из неё был отменный. Информация лилась непрерывным потоком. Она не готовила ни плана лекций, ни имела конспектов или хотя бы набросков — ничего, кроме текста в её голове, который так же не имел никакой подготовки. «Чем хуже буду вести, тем меньше будет просить заменить и уже отвяжется наконец-то с идеей запрятать меня в преподавание», — а хуже не получалось, потому что студенты, посещавшие именно её лекции, давали блестящие результаты на экзаменах. Такой вот парадокс. Хотя парадоксального в этом было мало: умышленно заниженный голос стелился как туман, его невозможно было не слушать, он вводил в некий транс, и все слова врезались в подкорку. Писать её лекции было невозможно, студенты просто-напросто не успевали, и те, кто сходились рядом, включали диктофон, благо, Алиса Максимовна была не против, только при условии, что они будут прощать ей периодические вырывающиеся маты, которые так не вязались с её внешностью, но были для неё совершенной обыденностью.

Сорок минут до выхода, а она только зашла в душ и стояла под струями воды неподвижно минут десять, оперевшись лбом о стену. В голове было шумно, хотя ни одной связанной мысли не было. «Звонок, точно! О какой такой новости хочет сообщить мама? Надо предупредить Олега, чтобы перенёс встречу со своими шлюшками на попозже и почтил своим присутствием родителей».

Олег уже несколько дней не ночевал дома, и пусть то, где он проводит ночи, её волновало в последнюю очередь, на публику и перед родителями они должны были играть роль счастливых супругов, но даже близко не были ими. Ненавистный муж, за которого она вышла по велению договорённости их отцов, чтобы связать две врачебные династии, тоже не испытывал особой нежности к своей хоть и красивой, но строптивой жене. Ничаев Олег Евгеньевич был довольно успешным пластическим хирургом и пользовался популярностью у женщин не только как врач, но и как мужчина. Ещё бы: красивый, успешный, обеспеченный — просто мечта для любой девушки, а то, что женат, так это не беда. Лису даже не раздражали бесконечно звонящие ей его любовницы, декларирующие, что у них безумная и чистая любовь и что она, как женщина, должна это понять и отпустить мужа, но в тот момент, когда они узнавали, что Лиса и сама не прочь избавиться от супруга и даже готова оплатить доставку его вещей

по нужному адресу, это вызывало дикое недоумение и гробовую тишину, а через время ей звонила с тем же самым другая девица.

Она вышла из душа, на ходу скрутила волосы в тугой пучок и, не глядя, вытащила из шкафа чёрную водолазку и синие джинсы. Оделась быстро, как будто собиралась не читать лекции, а на допрос. Вылев остатки кофе в термокружку, вышла из дома и сев в машину принялась набирать номер мужа, который и не собирался портить своё утро разговорами с женой, хотя та никогда не звонила ему без причины, но раздражать её, приносило ему невероятное удовольствие. "Чертов придурок!" Ругалась она на Олега выслушав по меньшей мере 7 оборванных звонков. Настроения и без того испорченное упало ниже дна Марианской впадины и не оставляло никакого шанса на хороший день.

Алиса припарковалась у института и ещё минуту сидела в машине, не выключая двигатель. Дворники мотались по стеклу, сгребая воду, и от этого ритма начинало ломить в висках. «Ну давай. Ну!» — сказала она себе, но не двинулась. Телефон лежал на пассажирском сиденье, экран давно погас, и в нём отражался серый питерский двор, чужие машины, чьё-то мокрое пальто.

Потом всё-таки вышла. Хлопнула дверью громче, чем собиралась, и зонта не взяла — назло. Пока шла до входа, волосы намокли, пучок растрепался, и это было ещё хуже, чем дождь.

В холле пахло хлоркой и мокрой шерстью. Гардеробщица что-то сказала ей вслед, но Алиса не обернулась. Каблуки стучали по плитке слишком громко, слишком часто, и каждый шаг отдавал в затылке.

На втором этаже, у лестницы, её окликнули.

— Алиса Максимовна!

Добряков. Разумеется, он. Стоял у окна, при галстукке, с папкой, весь такой собранный, ровный, правильный. Отец любил его больше, чем её, — так ей казалось всегда, и сейчас, в это утро, ей хватило и одной этой мысли.

— Не сейчас, — бросила она, не остановившись.

— Алиса Максимовна, одну минуту, я хотел...

— Я сказала: не сейчас.

Она не повысила голос. Наоборот — понизила, до того самого тона, от которого у студентов стыла кровь. И пошла дальше, не оглянувшись. За спиной было тихо, и от этой тишины стало только хуже.

Аудитория встретила её гулом. Сто человек, не меньше. Кто-то дописывал, кто-то листал, кто-то смотрел в телефон. При её появлении все подняли головы — и это тоже раздражало. То, что они ждут. То, что им интересно. То, что она обязана.

Алиса сбросила мокрый плащ на кафедру, не глядя, попала в стул, плащ сполз на пол. Поднимать не стала. Открыла ноутбук, хотя знала, что не будет им пользоваться. Поставила на стол стакан с кофе, который держала в руке с самой машины, и кофе выплеснулся на стол.

— Тетради убрали, — сказала она в зал, не здороваясь. — И телефоны. Кто опоздал — вон. Я не начинаю дважды.

Кто-то на заднем ряду хихикнул. Она нашла его взглядом мгновенно — как всегда, безошибочно.

— Вам смешно? — Голос стелился ровно и глухо. — Встали. Вышли. В следующую среду принесёте мне конспект первых двух тем, своими руками, чернилами. Не принесёте — не сдадите.

Тишина стала абсолютной. Даже кондиционер, казалось, замолчал. В этой тишине Алиса наконец услышала себя — и то, что услышала, ей не понравилось. Слишком жёстко. Слишком. Но отступать она не умела.

Она отвернулась к доске, взяла мел и сломала его пополам. Пальцы были ледяные.

— Тема сегодняшней лекции, — сказала она ср спины, — правовая психология. Или, если кому-то понятнее, — как закон ломает человека. Записывайте.

И дальше всё как всегда: голос поплыл, зал затих, диктофоны включились. Слова выходили сами, ровно, плотно, без единой запинки, и студенты не успевали, и она знала это, и от этого становилось только тошнее. Потому что получалось. Потому что она опять — блестяще. Потому что Добряков, отец, все они — опять правы.

Глава 2

Сразу после лекции она отправилась в клинику мужа, и через двадцать минут уже стояла перед дверью в его приёмной.

Алиса, не здороваясь, кивнула в сторону двери. Оленька с испуганным лицом, в котором всегда читалось то, что Олег там не просто с пациенткой, а с очередной своей барышней, завопила:

— Олег Евгеньевич занят, он просил не беспокоить! Алиса Максимовна, остановитесь, ну же!

Ну разве этот локомотив можно было остановить? Не сбавляя шаг, она открыла дверь и закрыла её ровно перед носом Оленьки. Та остолбенела и не смогла вымолвить ни слова.

— Здравствуйте, драгоценный супруг! Что вы, милая девушка, не стоит так нервничать, иначе сиськи не приживутся! — с издёвкой говорила она ошалевшей от испуга девушке, которая стала метаться по кабинету, собирая свои вещи.

— Какими ветрами, любовь моя? — расплылся в самодовольной улыбке Олег.

— Оленька, два кофе, пожалуйста. Дверь за девушкой почти бесшумно закрылась, и Алиса нервно расхохоталась.

— Ты когда-нибудь наживёшь приключений.

— Ты забыла, что я её врач? Перед личным приёмом я вижу все анализы!

— Меня тошнит... — сказала Алиса.

— Ты приехала рассказать мне про своё здоровье или справиться о моём? — Олег встал, застегнул рубашку, поправил халат и, повернувшись к ней, приподнял бровь и лукаво улыбнулся.

— В субботу родители ждут нас у себя, в час дня. Поедем вместе, на твоей.

— Как скажешь, мой капитан. Ты хочешь, чтобы я заехал за тобой утром, или мы всё-таки проведём ночь, как в старые добрые?

Алиса ничего не ответила. Смотрела на него секунду дольше, чем нужно, — и лишь потом шумно выдохнула и покачала головой.

Она вышла из клиники, не попрощавшись. Оленька что-то пролепетала вслед, но Алиса не обернулась.

До пятницы она старалась о нём не думать. За два дня ей предстояло наверстать всех пациентов, которых пришлось перенести из-за этих лекций, и хотя бы начать статью, которую она вынашивала уже как полгода. Для этого она освободила целый пятничный вечер.

После клиники она не поехала домой. Свернула к скверу, бросила машину у обочины и пошла — без цели, просто чтобы идти. Дождь кончился, но воздух был мокрый, тяжёлый, и она мёрзла. Пальцы в карманах плаща не согревались, и она впиалась ногтями в подушечки пальцев, чтобы онемение хоть как-то прошло, но всё было тщетно. Пучок растрепался и ослаб, а по спине тянуло холодом.

Кофе она взяла в ларьке — мерзкий, в картонном стакане, как будто нарочно делая этот день ещё хуже. Стакан обжёг ей руки, но не согрел. Села на лавку. Мимо шли люди, кто-то смеялся, кто-то ругался в телефон. Она курила, стряхивая пепел в кофе. Бумажный стаканчик уже не грел, и она держала его просто так, для веса.

На детской площадке за оградой бегали дети. Девочка в жёлтом дождевике прыгала через лужу, мальчик лет пяти что-то кричал ей, размахивая палкой. Их мать сидела на корточках рядом, поправляла капюшон, смеялась.

Алиса смотрела на них и не чувствовала ничего. Совсем ничего. Она знала, что должна что-то чувствовать, — и не чувствовала. И от этого становилось только хуже.

Она хотела этого. Когда-то — точно хотела. Может, и сейчас хотела, только очень глубоко, куда не добиралась ни мыслью, ни словом. Дом, обшитый диким камнем, ребёнок на руках, кто-то рядом. Кто-то, кто гладил бы по голове и говорил, что всё будет хорошо. То, чего у неё никогда не было. И уже, наверное, не будет.

Внутри было тихо. Слишком тихо. Алиса знала это состояние — когда паника не кричит, а затаилась. Она видела его у пациентов. Умела разбирать по частям, называть, объяснять. С собой — не получалось. С собой вообще ничего никогда не получалось. Какая-то бесполезная, бракованная с самого начала — недоразумение, а не человек.

«Соберись, уже наконец! Тряпка, Господи, какая же ты тряпка! — сказала она себе. — Ты психолог, мать твою, дорогой психолог. У тебя завтра пациенты, а ты сидишь здесь и ноешь. Что ты ноешь? Да сколько можно!?»

Сигареты закончились. Она смяла пачку и чуть не сделала глоток из стакана, но вовремя остановилась.

«Дура!»

Она встала, выбросила пачку в урну, поправила пучок и пошла к машине. Походка снова была ровной. Никто бы не догадался.

Домой она добралась на автопилоте. Бросила ключи на столик в прихожей, даже не стала включать свет. Снимая обувь на ходу, стянула плащ — не повесила, бросила там же, где туфли и сумка. И, не дойдя до постели, села на диван, откинулась на подушку и вырубилась. Как была, в джинсах и водолазке, только стянула резинку с пучка. Через несколько часов тело заныло, и она всё-таки стянула с себя одежду, накрылась пледом и легла, вытянув ноги. Ноги в тот же час завывали от усталости, но это не стало причиной прервать сон. По разбросанной одежде она больше походила на пьяную, чем на уставшую, но какое это имеет значение, если, кроме тебя, этот бардак никто не видит.

Два дня прошли в работе. Она приняла всех, кого перенесла, и даже начала статью. А в пятницу утром её разбудил телефон.

Не будильник — звонок. Долго он пробивался в сонный морок, чтобы наконец выдернуть её оттуда.

Она открыла глаза, не понимая, где находится и какой сейчас день. Звонок реален или ей снится? Не снится! Противный звон гулом раздался в её голове. «Да какого чёрта!» — выругалась она, поднимая глаза на окно и тянулась рукой к джинсам, в кармане которых надрылся мобильный.

За окном было серо, не дождь, наверное, утро, только как-то рано. Мысли роем закрутились в голове, и снова звонок. Алиса посмотрела на экран: незнакомый номер.

Хотела сбросить. Но что-то заставило ответить.

— Алиса Максимовна? — Голос был мужской, ровный, без эмоций. — Следователь Ковалёв. Извините за раннее время. Есть дело, по которому нужна ваша оценка. Мне рекомендовали вас, сказали, что окромя вас никто не разберётся. Можете помочь?

Она села на диване, потёрла лицо и ещё раз окинула взглядом комнату, словно не понимая, как она здесь очутилась. В голове было пусто, во рту — сухо, как будто она всю ночь пила. Хотя не пила.

— Когда? — спросила она.

— Сегодня, если возможно. Это не срочно, но важно.

«Не срочно, но важно». Она ненавидела эту формулу. Так говорят, когда хотят, чтобы ты бросил всё и приехал, но не хотят нести за это ответственность.

— Хорошо, — сказала она.

— Во сколько?

— К десяти.

Она посмотрела на часы. Восемь. Два часа. На пациентов, которых надо перенести, на душ, на кофе, на то, чтобы собрать себя по частям.

— Буду, — сказала она и отключилась.

Телефон лёг на колени. Она смотрела в стену и думала о том, что вчера хотела написать статью, а сегодня её уже куда-то зовут. И что она поедет. Потому что там она — нужна. А дома её никто не ждёт.

Потупив минут десять, она поднялась с дивана, перешагнув через кучу одежды, включила кофеварку и отправилась в душ. Где стояла ровно так же, как и вчера, под струями горячей воды, уперевшись лбом в стену. «Нужно смыть вчерашний день», — подумала она и прибавила температуру воды.

Выходя из ванной в одном полотенце, она услышала какое-то движение на кухне. Это могла быть либо помощница по хозяйству Света, либо Олег. Но Света не приходила раньше двенадцати. Алиса не любила с ней пересекаться. Вообще не любила видеть чужих людей у себя дома. Но ещё больше не любила бардак. А на уборку ни сил, ни времени не было. И помощница была идеальным решением. В её обязанности входила уборка, стирка, заказ продуктов и прочих бытовых мелочей. Готовить не надо было: Алиса либо делала это сама, либо не ела совсем. И кофе, кофе и ещё раз кофе!

Алиса зашла на кухню, облокотилась плечом о дверной косяк, скрестила руки на груди и вопросительно приподняла правую бровь, глядя, как Олег пил её кофе и листал какие-то документы. Брюки и рубашка были расстёгнуты, галстук вольно болтался на плечах. На рельефном теле красовался несильный, но свежий загар, что делал его кожу ещё бархатней. «Заехал переодеться, ничего нового».

— Доброе утро, мой ангел! — с издёвкой сказал Олег, не поднимая на неё глаз.

— Как спалось, кошмары не снились?

Алиса не ответила. Просто подошла, взяла из его рук свою чашку и сделала глоток. Кофе был горячий, крепкий, её. Она пила его медленно, глядя в упор на Олега. В глазах блеснули лукавые огоньки.

Он обошёл её со спины. Алиса услышала, как он остановился. Плечами почувствовала тепло, что исходило от него, аромат его парфюма, движение воздуха — и полотенце соскользнуло на пол.

Она не вздрогнула. Не обернулась. Только поставила чашку на стол и посмотрела на него через плечо.

— Афродита, — сказал он с ухмылкой.

Алиса выдержала паузу. Ровно столько, чтобы он почувствовал её взгляд.

— Ты как ребёнок, — сказала она. — Скучный, предсказуемый ребёнок.

И, не прикрываясь, развернулась и пошла в комнату. Походка была ровной, спокойной. Ни одного лишнего движения. Ни одного взгляда назад.

Олег остался на кухне. С её кофе. С её полотенцем на полу. Его сердце предательски заколотилось, как у кролика.

«Так. Так. Документы — и валить!» — проговорил он вполголоса, затем громко, чтобы она точно услышала:

— До субботы, любимая! — Ага, — бросила Алиса равнодушно.

Щелчок замка — и она снова может контролировать пространство, в котором находится.

Постояла ещё минуту, глядя на закрытую дверь. Потом прошла в спальню и открыла шкаф.

Собралась быстро. Не как вчера — не на автопилоте. Каждое движение было точным.

Из шкафа — серо-графитовая шёлковая рубашка, мужского кроя, с запонками. Не белая. Белая — это для пациентов, для лекций, для родителей. Сегодня — другая. Застегнула запонки — с чёрной шпинелью в серебре, — и почувствовала, как спина сама выпрямилась. Брюки

прямые, чёрные, клёш, с высокой талией, облегающие её бёдра, словно вторая кожа. Туфли на высоком, но устойчивом каблуке, которые она надевала только на экспертизы. Волосы стянула в тугой низкий хвост — гладко, ни одной пряди. В зеркало смотрела долго, потом набросала лёгкий смоки и густо накрасила ресницы. «Ну здравствуй!» — сказала она себе, улыбнувшись.

Впервые за эту неделю.

Написала ассистентке, чтобы сдвинули пациентов на пару часов. Кофе не стала. Просто вышла, села в машину и поехала.

Отдел встретил её казённым светом, запахом бумаги, кофе и табака. «Сигареты! Вот же чёрт!» — докурила последнюю по дороге и не заехала за новыми.

Ковалёв ждал в кабинете — мужчина лет пятидесяти, седой, усталый. Он не встал, только кивнул на стул.

— Спасибо, что приехали. — Что у вас?

Он подвинул ей папку. Тонкую. Алиса открыла. Фотографии. Женщина лет тридцати лежит на спине. Руки сложены на груди. Глаза закрыты. Ни крови, ни борьбы, ни следов насилия — на первый взгляд. Как будто она просто спала.

— Первая? — спросила Алиса.

— Третья, — сказал Ковалёв.

— За полтора месяца. Все — женщины. Все — в своей постели. Все — без единой царапины, как восковые.

Алиса перевернула страницу. Вторая. Третья. Одинаковые. Слишком одинаковые.

— Токсикология? — Чисто. Ни яда, ни препаратов. Сердце просто остановилось.

— Просто?

— Просто, — повторил он. — Смерть от естественных причин. Три раза подряд. С интервалом в две недели. Все — одинокие, все — тридцати пяти лет.

Алиса подняла на него глаза.

— Думаете, серия?

— Думаю, — сказал Ковалёв, — что кто-то очень хорошо умеет убивать так, чтобы это выглядело как «ничего». И ещё, я думаю, что вы — та, кто может сказать, кто он и зачем.

Алиса замолчала. Посмотрела на фотографии ещё раз. Три женщины. Три постели. Три закрытые пары глаз. Кто-то приходил к ним. Кто-то, кого они впускали. И они не боялись. Почему?

— Они его знали, — сказала она тихо. — Не как убийцу. Как кого-то, кому можно открыть дверь.

Ковалёв не ответил. Только смотрел.

— Мне нужно всё, — сказала она, закрывая папку. — Протоколы, фото с мест, данные о жертвах. И доступ к телам, если они ещё не захоронены.

— Будет. Сегодня же.

Алиса положила ладонь на папку. Сверху. Как будто пыталась удержать.

— И ещё. Кто меня рекомендовал?

Ковалёв посмотрел на неё ровно. Без эмоций.

— В том-то и дело. Рекомендация пришла по электронной почте. Без подписи. Я думал, это вы сами.

Она не ответила. Только убрала ладонь с папки и встала. Спина была прямой. Взгляд холодный, она уже была не здесь.

Впервые за долгое время она знала, что делает.

Глава 3

Вернулась домой к пяти. Приняла последнего пациента, закрыла кабинет, доехала быстро, ещё до пробок, — по дороге заскочила в супермаркет. Бросила в корзину пару сэндвичей — с тунцом и с лососем, — бутылку красного вина и несколько пачек сигарет. Есть не хотелось, но она знала, что потом пожалеет. Пусть лежат.

А устала, но азарт по расследованию бодрил её. Впервые за долгое время она не плелась по квартире, а двигалась — быстро, точно, без лишних движений. Свет зажгла везде, не только в одной комнате. Как будто ждала кого-то. Или как будто сама наконец вернулась.

Стянула рубашку, брюки, туфли — всё на стул. Из шкафа достала старую футболку отца. Белую, растянутую, с выцветшим принтом на груди. Она была ей велика, свисала почти до колен, но ещё вполне имела вид. Мягко ложилась на тело и давала ощущение дома — где бы она ни была. Алиса надела её, и стало легче. Как будто кто-то обнял её. Футболка пахла старым шкафом и немного — табаком. Отец курил и запах так и ушёл, а Алиса и не хотела.

Налила вина в бокал, сделала несколько глотков, крепко затянулась сигаретой и опустошила бокал. Налила ещё, но пить не стала. Поставила бокал на стол и отодвинула — подальше, к самому краю. Пусть стоит. Она работала.

Взяла ноутбук, села за стол и открыла почту. Письмо от Ковалёва пришло ещё днём. Алиса видела уведомление — и не открыла. Знала: если откроет, пациентов уже не сможет слушать.

Сейчас открыла. Три вложения: протоколы, фотографии, данные о жертвах. Тяжёлые файлы, папка за папкой. Нажала «печать» и откинулась на спинку стула.

Принтер стоял в углу, на тумбе, и сразу зашумел — завёлся, заскрипел, потянул первый лист. Она смотрела на него секунду, потом снова повернулась к экрану. Пока печатается, можно начать читать. Не всё — хотя бы первый отчёт. Бегло, по диагонали, чтобы понять, с чем имеет дело.

Открыла файл. Место первое. Квартира на Петроградке, четвёртый этаж. Женщина, тридцать пять. Одинокая. Умерла во сне. Сердце. Ни следов, ни борьбы, ни свидетелей.

Читала быстро, но не пропускала. Глаза шли по строчкам, а рука сама потянулась к волосам. Они лезли в лицо — прядь за прядью, — и это раздражало. Алиса сгребла их на затылке, закрутила в тугий балетный пучок, закрепила карандашом. Одна прядь выбилась и упала на висок. Она заправила её за ухо. Через секунду та снова выпала.

Она не заметила.

Сидела, поджав одну ногу под себя. Вторая свисала, кончики пальцев касались пола. Спина согнулась над столом, плечи ссутулились, как у школьницы над учебником. Футболка сползла с одного плеча, обнажая ключицу. Вино стояло на краю стола, нетронутое.

Принтер за спиной выплюнул последний лист и затих. Она не услышала. Дочитала отчёт, отложила лист и потянулась за следующим. Но вместо этого — встала.

Отодвинула ноутбук подальше, но закрывать не стала: ещё пригодится. Взяла бокал и, пока шла к принтеру, сделала пару глотков.

Забрала все распечатки и вернулась к столу. Разложила в три колонки: первая — жертва, вторая — место, третья — время. Пока не сходилась. Ковалёв прислал всё — протоколы, фото с мест, заключения судмедэкспертов, данные о жертвах. Фотографии она выложила отдельно, перед собой, и села на стул — двумя ногами, поджав их под себя. Нависла над столом на прямых руках.

«Что-то не так. Слишком вылизано!»

Она прикурила и бросила зажигалку на стол. Сигарета зажата между пальцами левой — той самой, которой она машинально потёрла лоб. Правой облокотилась на стол и снова уставилась на фотографии.

«Что, мать твою, здесь не так?»

И замерла. Долго разглядывала все фото, изредка стряхивая пепел прямо на пол.

Потом отложила их в сторону и взяла папки. Не те, что с фото, — другие. С описаниями. Там были не тела, а люди. Женщины. С именами, с адресами, с работой. С тем, что зафиксировали. Алиса хотела их узнать. Не как жертв. Как людей.

Взяв вино, пепельницу, сигареты — села на пол. Облокотилась спиной о диван, поджала под себя ноги, скрестила их. Так было удобнее. Так она думала. На полу, в темноте, среди бумаг — это было её. Заметки делала карандашом, который вытаскивала из пучка, затем собирала волосы опять, и так по кругу. Ручка осталась на столе, вставать лень.

Читала.

Первая. Лаврова Ирина Петровна. Тридцать пять лет. Адрес: Петроградская сторона, Большой проспект. Медицинская сестра. Не замужем. Детей нет. Обнаружена 12 июля. Тело нашла соседка — дверь была не заперта, свет в коридоре горел. Время смерти: предположительно с 02:00 до 03:30. Причина: острая сердечная недостаточность.

Вторая. Ефимова Ольга Сергеевна. Тридцать пять лет. Адрес: Василеостровский район, улица Нахимова. Бариста. Не замужем. Детей нет. Обнаружена 26 июля. Тело нашла мать — приехала по звонку, дверь была заперта изнутри, открыли через МЧС. Время смерти: с 02:00 до 03:30. Причина: острая сердечная недостаточность.

Третья. Белова Анна Павловна. Тридцать пять лет. Адрес: Центральный район, улица Марата. Преподаватель музыкальной школы. В разводе. Детей нет. Обнаружена 9 августа. Тело нашла ученица — пришла на занятие, дверь была не заперта. Время смерти: с 02:00 до 03:30. Причина: острая сердечная недостаточность. Она отпила вина. Поставила бокал на пол, рядом с коленом. Перечитала. Потом ещё раз. Три женщины. Три района. Три разных работы. Не замужем. Детей нет. Тридцать пять. Ночь. Сердце. Дверь — то заперта, то нет.

Она снова достала карандаш и на полях первого листа выписала:

«Возраст — 35. Одинокие. Ночь. Сердце. Дверь».

Обвела. Посмотрела.

Мало. Слишком мало. Так можно описать тысячи женщин.

Она перевернула страницу. Потом ещё одну. Сигарета тлела в пепельнице, забытая. Она прикурила ещё одну и села, обняв колени.

И в этот момент в прихожей щёлкнул замок.

Алиса подняла глаза и молча смотрела в дверной проём. Уши уловили шаги — тяжёлые, уверенные, без спешки. Он всегда ходил так: как будто весь мир ему должен.

— Я думал, ты уже спишь, — сказал Олег из коридора.

Она не ответила. Резко пробежав глазами по листку, сделала сноску и поставила знак вопроса. Карандаш снова отправился в волосы.

Шаги приблизились. Он вошёл в гостиную и остановился. Их взгляды встретились. Её лицо тонуло в клубе табачного дыма.

— Ты в его футболке, — сказал он.

— Это футболка отца, — сказала она ровно, не отводя глаз. Но смотрела она не на него, а как будто сквозь. Было ясно: она в своих мыслях.

— Я знаю.

Пауза. Она следила за его движениями: как он подошёл к столу, как взял бутылку, как отпил прямо из горла.

— Что это? — спросил он, кивнув на распечатки.

— Работа.

— В два ночи?

— В два ночи тоже.

Он хмыкнул. Поставил бутылку обратно — не на край, а рядом с её бокалом, что стоял на полу. Как будто возвращал. Или как будто ставил на место.

— Ты вчера была другой, — сказал он тихо.

— Вчера я была голой, — сказала она. — Сегодня я одетая. Это всё, что изменилось.

Он засмеялся. Коротко, без обиды. Он умел не обижаться — это было в нём самое неприятное.

— Ты пьёшь одна, — сказал он.

— Я не пью. Я читаю.

— Я вижу.

Он отошёл к окну. Она по-прежнему следила за ним взглядом. Он стоял спиной, руки в карманах, смотрел на мокрый город. Рубашка была та же, что утром. Галстук он снял. Волосы чуть растрепались.

— Что ты здесь делаешь, Олег?

— Живу, — сказал он, не оборачиваясь. — Вроде бы.

— Голодная?

— Смотря о чём ты! — ляпнула она, не придавая никакого смысла этой фразе.

— Я о еде. Но ход твоих мыслей мне нравится! — со смехом сказал он, поворачиваясь.

— Я не знаю, — растерянно сказала Алиса, посмотрев ему прямо в глаза. В этот момент она как будто вернулась в эту реальность, проснулась и увидела, что происходит вокруг.

Олег подошёл и протянул руку, предлагая помочь встать. Сама того не ожидая, она не проигнорировала предложение, а воспользовалась им. Вставая, она почувствовала, что её ведёт влево — не от алкоголя, хотя и из-за него тоже, больше от того, что ногу отсидела. Но Олег был бы не Олегом, если бы не сделал на этом акцент.

— У-воу, полегче, девочка! — произнёс он, обхватывая её за талию.

— Я ногу отсидела, и это не повод лезть с обнимашками!

Он не отпустил.

Держал — ровно на секунду дольше, чем было нужно. Смотрел сверху вниз, и в этом взгляде не было ни насмешки, ни обиды. Что-то другое. Что-то, от чего по спине прошло тепло — короткое, неожиданное, как удар тока.

Алиса замерла.

Тело отозвалось раньше, чем она успела подумать. Плечи, талия под его ладонью, что-то внизу живота — всё это знало его руки. Помнило. И теперь тянулось к ним, помимо неё. Помимо всего, что она о нём думала.

Это длилось мгновение. Может, меньше.

Пальцы на её талии сжались — чуть сильнее, как будто он сам не заметил, как будто импульс, — и тут же разжались. Отпустил.

Она не почувствовала стыда. Вино сделало своё дело: тело было тёплым, мягким, чужим. Оно не слушало доводов. Оно просто было. И ей было почти всё равно, что оно чувствует.

Олег отпустил сам. Медленно, шагнул назад. И ничего не сказал.

Тишина стала густой. Алиса наклонилась, подняла с пола бокал, бутылку и поставила на стол. Руки не дрожали. Хотя должны были.

Она посмотрела на разложенные бумаги, на чашки, на фото. Работа никуда не денется. А есть хотелось так, что сводило желудок.

— Я купила сэндвичи, — сказала она, не глядя на него.

— Будешь?

Олег удивлённо поднял бровь. Не ожидал.

— Ты — и сэндвичи?

— Я — и сэндвичи.

Алиса шагнула через бумаги и пошла на кухню. Он — за ней. Молча. Достала пакет, выложила на стол два сэндвича в прозрачной плёнке — с тунцом и с лососем. Взяла тарелку. Потом — вторую, для него. Сама не заметила, как это вышло.

Олег увидел на столе бутылку — ту, что она принесла, — взял, посмотрел на этикетку, кивнул: одобрил.

— Налить?

— Наливай.

Налил ей, потом себе. Алиса села за стол. Олег — напротив.

Первый сэндвич ушёл быстро. Она и не заметила, как съела. Второй — медленнее. Вино шло легче. Тепло разливалось по телу, и мир становился чуть менее резким.

— Ты давно не ела, — сказал он.

— С утра.

— Это заметно.

— Это не комплимент?

— Это наблюдение.

Она хмыкнула. Почти улыбнулась. Он это увидел — и не стал ловить. Просто отпил вина. Вторым бокал. Потом третий. Бутылка опустела. Он открыл вторую, не спрашивая.

— Ты всегда пьёшь на работе? — спросил он.

— Я не на работе.

— Ты читаешь про убийства в два ночи. Это работа.

Алиса не ответила. Отпила ещё. Вино было хорошее. Или ей так казалось.

Она не ответила. Отпила ещё. Вино было хорошее. Или ей так казалось.

Олег откинулся на спинку стула. Рубашка расстегнулась ещё на одну пуговицу — сама, без его участия. Алиса не смотрела, но видела.

— Ты знаешь, что я вчера подумал? — сказал он.

— Что ты гений?

— Что ты меня ненавидишь.

Она хмыкнула. Почти улыбнулась.

— Это не новость.

— Новость в том, — он подался вперёд, — что мне это нравится.

— Что я тебя ненавижу?

— Что ты не врёшь. Все врут. Ты — нет. Даже когда молчишь.

Алиса посмотрела на него. Долго. Олег не отвёл глаз.

— Ты пьяна, — сказал он.

— Я уставшая.

— Это одно и то же.

— Нет. Пьяная — это когда весело. Уставшая — это когда всё равно.

Он засмеялся. Тихо, без обиды. И от этого смеха ей вдруг стало тепло. Не от вина — от него.

— Ты когда-нибудь жалела, что вышла за меня? — спросил Олег.

Она не ответила сразу. Посмотрела в бокал. Потом — на него.

— Каждый день.

— И я. Пауза.

Олег не улыбался. И она — тоже.

— Но не жалею, что ты здесь, — сказал он.

Алиса открыла рот, чтобы ответить. Что-то колкое, привычное. Но не нашла слов. Или нашла — но не те.

Он поднялся. Обошёл стол. Остановился рядом с её стулом. Она не отодвинулась. Смотрела снизу вверх.

— Не надо, — сказала она.

— Чего?— Вот этого.

Олег не ответил. Наклонился. Медленно. Давая ей время отстраниться. Алиса не отстранилась.

Поцелуй был коротким. Сухим. Как будто оба проверяли — что осталось. И когда он отстранился, она всё ещё смотрела на него. И не отводила глаз.

— Ну вот, — сказала она тихо.

— И что теперь?

— Не знаю, — сказал он.

— Впервые не знаю.

Олег не отошёл. Стоял рядом — так близко, что она чувствовала запах его рубашки. И жар. Густой, тяжёлый. Он шёл от него волной, как от кожи, разогретой под палящим солнцем. Воздух между ними стал плотным, и всё вокруг замедлилось. Что-то тянуло внизу живота — медленно, томно, настойчиво. Алиса сглотнула. Во рту пересохло. Кожа стала чувствительной — ткань футболки, воздух, всё. Она слышала, как стучит сердце — его или своё, — оно билось где-то там же, в горле, в висках, где-то между.

Его сердце.

Алиса подняла глаза.

Олег смотрел на неё — не с насмешкой, не с превосходством, как всегда. Что-то другое. Что-то, что он сам не мог назвать. Как будто та неприязнь, что стояла между ними годами, — стена, крепкая, привычная, — вдруг дала трещину. И он смотрел на эту трещину и не знал, что с ней делать.

Он думал.

Она видела это по лицу — по тому, как сдвинулись брови, как дёрнулся кадык, как он сглотнул. Олег не улыбался. Не говорил. Не отходил. Просто стоял — и в этом стоянии было больше, чем во всех его словах за годы.

Он сам не ожидал.

Это было написано на нём — крупно, ясно, как в протоколе. Не планировал подходить. Не планировал стоять так близко. Не планировал, что она не отстранится. И теперь не знал, что делать с тем, что получилось. Потому что получалось — впервые за долгое время — что-то настоящее. А с настоящим он не умел.

Олег ждал. Чего — сам не понимал. Может, что она оттолкнёт. Может, что скажет что-нибудь — привычное, колкое, что вернёт всё на места. Может, что он сам наконец решится.

Алиса не оттолкнула. Не сказала. Не решилась.

И тогда сказал.

— Тебе нужно отдохнуть.

Он сказал это тихо. Не приказом, не заботой напоказ. Просто сказал — и протянул руку. Алиса, как будто сдаваясь, осторожно вложила в неё обе руки.

Взял её — и потянул на себя. Медленно. Алиса поднялась. Олег пошёл спиной вперёд. Не отпуская её рук. Шаг. Ещё шаг. Тихо, осторожно, словно идёт по минному полю — одно неправильное движение, и всё разлетится, не собрать.

Алиса — за ним. Как будто во сне. Как будто не было ни вина, ни дела, ни бумаг на полу.

Он целовал её. Не в губы. В глаза. В закрытые веки. В висок. В скулу. Очень нежно. Осторожно. Как будто она была из фарфора. Как будто могла рассыпаться.

Она не сопротивлялась. Не отвечала. Просто шла. И чувствовала, как что-то в груди разжимается. Медленно. Больно. Но дышать становится легче. Как будто он снимал с неё доспехи. Один за другим. И под ними — ничего. Голая кожа. Усталость. Тишина.

Они вошли в комнату. Он довёл её до кровати. Она села, на несколько секунд зависла, затем медленно опустилась на подушку, словно куда-то проваливалась. Тихо, без лишних слов.

Олег укрыв её одеялом до подбородка, как ребёнка. Как будто она была маленькой. Еле касаясь, провёл тыльной стороной пальцев по щеке и вышел.

Алиса слышала, как он щёлкнул выключателем в гостиной. Как звякнула бутылка о стол.

Потом стало тихо, но он не шёл. Стоял в темноте — она слышала это по тишине. Поэтому, как он не двигался. И только еле слышные всплески вина в бутылке.

Допил вино, прямо из горла. Бутылка стукнула о стол громче, чем он рассчитывал. Он замер. Прислушался. Тихо.

Смотря в пустоту, стал медленно расстёгивать пуговицы на рубашке. Она скользнула с плеч — ткань упала на пол мягко. Звякнула пряжка ремня, молния. Брюки глухо опустились на стул.

И снова — пауза.

Он стоял в темноте гостиной, уже почти раздетый, и не шёл. Знал, что если войдёт — обратно не выйдет. Знал, что переступит какую-то черту, которую сам себе нарисовал. Знал, что утром всё будет по-другому. И всё равно не мог не пойти.

Дойдя до комнаты, замер в дверном проёме. Алиса лежала — уже почти спала, дышала тихо. Луна освещала её кожу и белые волосы. В этом свете она была как нарисованная, как неживая.

Олег смотрел долго — казалось, целую вечность — и не решался подойти.

Один шаг.

Он не должен был ложиться. Мог уйти. Мог остаться в гостиной, на диване. Мог уехать. Но не уехал. Не ушёл. Не остался.

Лёг. Поверх одеяла. Не под. Не касаясь.

И смотрел.

Луна светила в окно. Прямо на её лицо. Белые волосы разметались по подушке. Ресницы. Тень под глазами. Губы — чуть припухшие и красные от вина. Она дышала тихо. Ровно. И во сне была не такая, как всегда. Не колкая. Не сильная.

Он смотрел минуту. Две. Три.»

Такая нежная, хрупкая...» — пронеслось в его голове.

А потом она сама — во сне, не просыпаясь, — прильнула к нему. Сначала уткнулась ему в грудь и сделала глубокий вдох, словно вынырнула из-под воды. Вдохнула его запах. Обняла рукой и ногой, обмякла и засопела.

Олег замер. Потом обнял её. Одной рукой. Второй — накрыл одеялом её плечо. И остался так.

Они уснули.

Глава 4

Он проснулся позже. Рука лежала на пустоте — на одеяле, ещё тёплом, но уже без неё. Он поднял голову. В комнате было светло, серо, но солнце кое-где пробивалось сквозь облака. День обещал быть солнечным.

За стеной шумела вода.

Она встала раньше. И не разбудила.

Олег лежал ещё минуту. Смотрел в потолок. Вспоминал. Не всё — отдельные куски. Как она уткнулась ему в грудь. Как засопела. Как он держал её плечо, боясь пошевелиться. Как всё это было — не так, как он привык.

И не было в этом ничего плохого. Просто — странно. Как будто он всё ещё спал, а это не считалось.

Он встал. Достал из шкафа шорты, надел и вышел на кухню. Свои вещи собирать не стал — придёт помощница. А бутылки от вина отправил в мусор.

Сварил кофе. Две чашки, налил в обе. Поставил на стол. Потом убрал вторую. Потом вернул. Так и оставил — на столе, рядом с её любимым местом.

Вода за стеной стихла.

Олег сидел за столом, когда она вышла. В том же халате, с полотенцем на голове. Волосы мокрые, лицо чистое, без макияжа. Она посмотрела на него — коротко, будто случайно.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе.

Алиса подошла к кофеварке. Увидела чашку. Взяла.

— Ты сварил?

— Фиксики!

Она улыбнулась и села напротив. Обеими руками обхватила чашку. Не пила — грелась. Он смотрел на неё поверх своей. Она — в стол.

— Как спалось? — спросил Олег.

— Нормально.

— Мне тоже.

Пауза.

Оба понимали, что это — враньё. И оба принимали его.

Олег смотрел на неё поверх чашки. Алиса — в стол. Тишина стала густой, как вчера, только теперь в ней не было вина.

И в этот момент зазвонил её телефон.

Мобильный на тумбе в прихожей вибрировал, дребезжал по дереву. Она вздрогнула — коротко, почти незаметно. Встала. Пошла.

Он слышал, как она ответила.

— Да.

Пауза. Слушала. Он смотрел на её спину. Плечи чуть напряглись. Свободная рука поднялась ко лбу — машинально, как вчера, — потёрла.

— Я поняла... Да, смотрела... Я не нашла отчёта по чашкам...

Она замолчала. Слушала долго. Он видел, как она кивает — сама себе.

— Я уверена, что они не случайны. Надо посмотреть...

— Я приеду. Сегодня, после обеда.

Сбросила вызов и убрала телефон. Постояла секунду. Вернулась в кухню — не глядя на него. Взяла свою чашку, поставила в раковину.

Он встал.

— Я в душ, — сказал Олег.

Алиса кивнула. Не обернулась.

Он пошёл в ванную. Вода зашумела. Стоял под горячими струями, смотрел в стену. Из гостиной доносился её голос — тихий, ровный. Она кому-то звонила ещё. О чём-то, чего он не понимал. О чём-то, где его не было.

Олег вышел, вытерся, обмотал полотенце вокруг бёдер. Пошёл в спальню. Оделся — быстро, без звука. Рубашка, брюки, ремень. Волосы мокрые, но ему было всё равно.

Вернулся в гостиную.

Алиса стояла у окна. Телефон у уха. Слушала. Хмурилась. Одна рука скрещена на груди, вторая держит трубку. На ней уже были брюки и свитер. Волосы в пучке. Лицо — рабочее. Не такое, как утром.

Он остановился в дверном проёме. Она обернулась — на секунду. Взгляд вопросительный. Олег не стал говорить. Достал телефон. Открыл заметки. Набрал быстро, пальцами:

«Мне надо заехать в клинику. В 12 будь готова, я заеду».

Повернул экран к ней.

Она прочитала. Кивнула. Не прерывая разговора. Потом отвернулась, снова к окну.

— Да, я слушаю, — сказала в трубку.

Он убрал телефон. Пошёл к двери. Обулся. Взял ключи со столика. Ещё раз посмотрел на неё — их взгляды встретились.

Дверь щёлкнула.

Олег вышел из подъезда и сел в машину. Не сразу завёл двигатель. Сидел, смотрел на телефон. Экран погас, потом снова загорелся — уведомление, неважное. Он сбросил.

Мысли были не о клинике. И не об операции. И не о том, что он опаздывает.

Мысли были о ней.

О том, как она стояла у окна. Как говорила с кем-то — тихо, ровно, не для него. О том, как она кивнула сама себе, когда он повернул к ней экран. И о том, как она не обернулась, когда он уходил.

Олег не ревновал. Никогда. Это было не в нём. Измены, романы, чужие жёны — он всегда знал правила и играл по ним. Ревность — для тех, кто боится. А он не боялся. Не было причины.

А сейчас было.

Он сам не понимал, что именно. Может, то, что она говорила не с ним. Может, то, что не посвятила. Может, то, что в её жизни было что-то, куда его не пускали. И это бесило больше, чем он готов был признать.

Открыл контакты. Нашёл номер.

Гудок. Второй. Третий.

— Олег Евгеньевич, собственной персоной? — голос на другом конце был удивлённый.
— Ты чего в такую рань?

— Привет, Дэн. Есть дело.

— Слушаю.

— Нужна распечатка. По одному номеру. Входящие, исходящие, за последние пару недель.

Пауза.

— Ты в курсе, что это не совсем законно?

— Я в курсе. Поэтому звоню тебе.

Дэн хмыкнул. Он всегда хмыкал, когда Олег просил что-то такое. Но делал. Потому что Олег был его близким другом.

— Чей номер?

Он назвал. Продиктовал цифры по одной — медленно, чтобы не ошибиться.

— Хорошо. Когда?

- Сегодня.
- Сегодня не обещаю. Завтра.
- Дэн, надо сегодня.
- Пауза. Дэн помолчал.
- Олег. Ты уверен?
- В чём?
- Что хочешь это знать.

Он не ответил сразу. Посмотрел в лобовое стекло. Двор, машины, чужой мужик с собакой. Обычное утро. Обычный день.

- Уверен, — сказал он.
- Ладно. Как будет — наберу.

Олег сбросил. Положил телефон на пассажирское сиденье. Завёл двигатель.

И только тогда понял, что не сказал Дэну, чей это номер. Тот не спросил. Или спросил бы — и тогда пришлось бы объяснять. А объяснять он не умел. Особенно себе.

Он тронулся с места. В голове было пусто. И тяжело. Как будто он только что что-то сделал. Что-то, чего не отменить.

Алиса осталась в гостиной. Одна. Телефон она убрала. Постояла. Посмотрела на пол — на бумаги, на чашку, на пепел.

И села обратно.

Взяла папки. Не те, что с фото, — другие. С описаниями. Там были не тела, а люди. Женщины. С именами, с адресами, с работой. С тем, что зафиксировали. Алиса хотела их узнать. Не как жертв. Как людей.

Взяв кофе, пепельницу, сигареты — села на пол. Облокотилась спиной о диван, поджала под себя ноги, скрестила их. Так было удобнее. Так она думала. На полу, в темноте, среди бумаг — это было её. Заметки делала карандашом, который вытаскивала из пучка, затем собирала волосы опять, и так по кругу. Ручка осталась на столе, вставать лень.

Читала.

Первая. Лаврова Ирина Петровна. Тридцать пять лет. Адрес: Петроградская сторона, Большой проспект. Медицинская сестра. Не замужем. Детей нет. Обнаружена 12 июля. Тело нашла соседка — дверь была не заперта, свет в коридоре горел. Время смерти: предположительно с 02:00 до 03:30. Причина: острая сердечная недостаточность.

Вторая. Ефимова Ольга Сергеевна. Тридцать пять лет. Адрес: Василеостровский район, улица Нахимова. Бариста. Не замужем. Детей нет. Обнаружена 26 июля. Тело нашла мать — приехала по звонку, дверь была заперта изнутри, открыли через МЧС. Время смерти: с 02:00 до 03:30. Причина: острая сердечная недостаточность.

Третья. Белова Анна Павловна. Тридцать пять лет. Адрес: Центральный район, улица Марата. Преподаватель музыкальной школы. В разводе. Детей нет. Обнаружена 9 августа. Тело нашла ученица — пришла на занятие, дверь была не заперта. Время смерти: с 02:00 до 03:30. Причина: острая сердечная недостаточность.

Алиса сделала глоток и поставила чашку на пол, рядом с коленом. Перечитала. Потом ещё раз. Три женщины. Три района. Три разных работы. Не замужем. Детей нет. Тридцать пять. Ночь. Сердце. Дверь — то заперта, то нет.

Она снова достала карандаш и на полях первого листа выписала:

«Возраст — 35. Одинокие. Ночь. Сердце. Дверь».

Обвела. Посмотрела.

Мало. Слишком мало. Так можно описать тысячи женщин.

Алиса перевернула страницу. Потом ещё одну. Сигарета тлела в пепельнице, забытая. Она прикурила ещё одну и села, обняв колени.

Потом отложила листы. Закурила. Пепел стряхнула в чашку — ту, из которой пил Олег. И вспомнила.

Утро. Олег в душе. Вода шумит. Она стоит у окна, телефон у уха. И голос на другом конце — тот самый. Никита.

Он позвонил сам. Как всегда — не вовремя, как всегда — без предупреждения.

— Ты не спишь? — спросил он.

— Не сплю.

— Я скучал.

Она молчала. Он говорил ещё что-то — про дела, про город, про то, что не может без неё. Она слушала. И ничего не чувствовала. Совсем. Или почти.

— Когда увидимся? — спросил он.

— Не знаю.

— Приезжай сегодня.

— Не могу.

Пауза. Он умел держать паузы. Знал, что она не выдержит первой.

— Я соскучился, — сказал он тише.

— Я знаю.

— А ты? О

на не ответила. Смотрела в окно. Двор, машины, чужой мужик с собакой. Обычное утро.

— Никит, мне надо идти.

— Я позвоню вечером.

— Хорошо.

Она сбросила. И только тогда поняла, что всё это время держала руку у лба. Как будто пыталась что-то стереть.

Два года назад это было всё. Небо, земля, воздух — всё было им. Она сходила с ума, когда он не звонил. Считала часы. Проверяла телефон каждые пять минут. Он говорил «люблю» — и она верила. Он исчезал на неделю — и она ждала. Он возвращался — и она прощала.

Алиса хотела развестись с Олегом. Готова была оставить всё. Квартиру, деньги, семью, родителей — всё. Ради него.

А потом узнала, что он женился. Что у него родился сын. Что всё это время — пока она сходила с ума — у него была другая жизнь. Нормальная. Настоящая. Без неё.

Алиса тогда слегла. Не в больницу — в себя. Две недели не выходила из дома. Не ела. Не отвечала на звонки. Мать звонила кому-то, просила помочь. Никто не помог. Она сама вылезла. Медленно, по кускам. Как из-под обломков.

А потом он вернулся. Через полгода. Сказал, что ошибся. Что любит только её. Что готов всё бросить.

Алиса не поверила. Ни одному слову. Но тело помнило. Тело хотело. И она пустила.

С тех пор так и жили. Никита звонил. Она приезжала. Или он приезжал. Быстро, жадно, без слов. А потом разбежались по своим. Не звонили, не разговаривали. Делали вид, что ничего не происходит.

Она больше не любила его. Точно знала. Но что-то держало. Не он — что-то в ней. Привычка. Или пустота, которую он когда-то заполнил, а теперь просто занимал. Занимал до момента, пока не встретится кто-то другой. Лиса уже была готова, она хотела и ждала этого. Он это знал, чувствовал, видел — и ему это совсем не нравилось. Это вводило его в бешенство и ужас. Она его, его добыча, его мышь — и она не должна достаться никому. Никита становился слишком требовательный в последнее время, слишком настойчив. Она не поддавалась ему, но и не осаживала, просто игнорировала. Потом выслушивала истерики в трубку — он грозился её украсть, запереть, не отпускать. Алиса слушала и молчала. Через несколько дней он успокаивался, она приезжала в дом — дом его покойной бабки, старый, но уютный. В глуши, рядом

лес и озеро. Про него никто не знал, только они двое. Проводила с ним день, иногда сутки. Секс был жаркий, животный, дикий. Ей нравилось. Никита обожал её, она одна принимала все его странности, без осуждения, поддавалась его игре, разрешала делать всё, что он хочет. Алиса была его мышью, и он не собирался отдавать её другому коту.

Она затянулась. Пепел упал на пол.

И вернулась к листам.

«Кого-то, кого давно не видела.»

Мужчина. Который приходит. Которого впускают. Который знает, как войти. Который был когда-то. И которого давно не видели.

Алиса посмотрела на чашку. На пепел. На свои руки.

А если бы её нашли так? В постели, руки на груди, глаза закрыты. И соседка сказала бы: «Приходил мужчина. Не видела лица. Она его впустила».

Кого бы она впустила?

Алиса закрыла глаза. Отогнала, но мысль осталась. Где-то на дне. Как пепел в чашке.

Она не услышала, как подъехала машина. Не услышала шагов на лестнице. Только звонок — резкий, короткий, два раза. Она вздрогнула.

Посмотрела на часы. Двенадцать.

Чёрт.

Алиса встала с пола — резко, слишком быстро, — и в голове качнулось. Бумаги остались лежать. Пепел. Чашка. Фото. Всё на полу, как было.

Она подошла к двери. Открыла.

Олег стоял на пороге. В рубашке, в пиджаке — она не видела его таким утром. Собранный. Чужой. Как будто не он.

— Ты без ключей?

— Забыл в машине. Ты готова?

Алиса посмотрела на себя. Джинсы, водолазка. Волосы выбились из пучка. Руки в пепле.

— Нет.

— Я вижу.

Он вошёл. Не спросил разрешения. Прошёл в гостиную — и остановился. Посмотрел на пол. На бумаги. На чашку. На пепел.

— Ты опять курила здесь?

— Курила.

— Алиса, мы едем к твоим родителям.

— Я знаю.

Она прошла мимо него. В спальню. Открыла шкаф. Что надеть — к родителям? Что-то, что не вызовет вопросов. Что-то, что сделает её нормальной дочерью.

Алиса выбрала. Пудровое платье чуть выше колена, белые шпильки, нитка жемчуга на шее. Волосы распустила. Макияж — минимальный. Пять минут. Он ждал в гостиной.

Когда она вышла, он стоял у окна. Смотрел на улицу. Не обернулся.

— Ты не убрала, — сказал он.

— Уберу потом.

— Помощница придёт.

— Значит, она уберёт.

Пауза.

Олег повернулся.

— Ты в порядке?

— Да.

— Ты врешь.

— Да. О

и посмотрел на неё. Долго. Как будто хотел сказать что-то ещё. Но не сказал. Взял ключи со столика. Пошёл к двери.

— Поехали

Алиса взяла сумку. И вышла. Не оборачиваясь на бумаги. На чашку. На пепел.

Дверь закрылась.

В машине молчали. Олег смотрел на дорогу, Алиса — в окно. Каждый думал о своём. Говорить не хотелось никому.

Они приехали без пяти час. Дом Любавских старших — на Мойке, старый фонд, высокие потолки, лепнина. Алиса не была здесь месяц. Может, два. Она не считала.

Мать открыла дверь сама. В переднике, с улыбкой, которая всегда означала, что она что-то задумала.

— Наконец-то! — расцеловала Олега в обе щеки. Потом Алису. — Ты бледная. Опять не ела?

— Ела.

— Что ела?

Алиса не ответила. Прошла в гостиную.

Отец сидел в кресле. С газетой. Он поднял глаза, кивнул — сдержанно, как всегда. Олег пожал ему руку. Алиса поцеловала в щёку.

— Как дела, пап?

— Нормально. У тебя?

— Тоже.

Они не умели разговаривать. Никогда не умели. И это было нормально для них.

И тут в прихожей зазвенел звонок. Второй раз за десять минут. Мать всплеснула руками и поспешила открывать.

— Андрюша! Ксюша!

Алиса обернулась.

Андрей вошёл первым — высокий, статный, в тёмно-синем пальто. Тёмно-русые волосы, зелёные глаза — отцовские. Он снял пальто, повесил, и, увидев Алису, улыбнулся. Широко. По-настоящему. Не как все здесь.

— Лиса!

Он подошёл, обнял её. Крепко. Она уткнулась носом в его плечо — как в детстве, когда он был единственным, кто её понимал. От него пахло знакомым — тем же одеколоном, что и двадцать лет назад.

— Как ты, мелкая?

— Нормально. Ты?

— Устал. Дежурство было.

— Сложное?

— Бывает.

Андрей отстранился, посмотрел на неё. Внимательно. Как будто искал что-то. Или проверял.

— Ты похудела.

— Ты тоже.

— Я работаю.

— А я в салочки играю!

Он засмеялся. И она — впервые за день — улыбнулась. По-настоящему.

Ксения вошла следом. В пальто цвета топлёного молока, с шёлковым платком. Улыбалась. Широко. Показательно — как всегда, когда знала, что на неё смотрят.

— Алиса! — Она шагнула навстречу и обняла. Осторожно, чтобы не помять ни её, ни себя.

— Как ты? Мы так давно не виделись.

— Давно, — сказала Алиса.

— Ты прекрасно выглядишь. — Спасибо. Ты тоже.

— Спасибо, дорогая. — Ксения чуть склонила голову. — Но ты всегда так говоришь. — Она тихо улыбнулась. Тонко. Как будто знала что-то, чего Алиса не знала. И, может, знала.

Они улыбались друг другу. Обе. И обе понимали, что это — игра. Ксения всегда была безупречной. Правильной. И Алиса всегда отвечала тем же. Потому что иначе — нельзя.

Андрей подошёл к жене. Взял её за руку. Привычно, как что-то, что делается само.

— Пойдёмте к столу, — сказала мать. — Всё готово.

Они пошли. Алиса — последней. И на секунду задержалась в дверях. Посмотрела на брата. На его спину. На то, как он держит её руку. На то, как они вместе.

И что-то кольнуло. Где-то глубоко. Где она не позволяла себе чувствовать.

Она отвернулась и вошла в столовую. Сели за стол. Мать суежилась, раскладывала, подавала. Отец молчал. Андрей рассказывал про работу — что-то про нейрохирургию, про сложную операцию. Ксения слушала его влюблённо. Олег поддакивал.

Алиса молчала. Она всегда молчала на этих обедах. Отец считал её профессию шарлатанством — для дочери профессора это было мелко. Психолог, а не психиатр. Не врач. И объяснять ей ничего не стали. И слушать — тоже.

Потом отец постучал вилкой по краю бокала. Тихо, но все услышали. За столом стало тише. Он встал. Как всегда. По традиции — первый тост за ним. Максим Николаевич не пил много, но ритуал любил. И все знали: пока он не скажет — не начинают.

Он поднял бокал. Посмотрел на всех — по очереди. На жену. На Андрея. На Ксению. На Алису. На Олега.

— За наш новый статус, — сказал он. — За дедушку и бабушку.

Пауза.

Мать всплеснула руками и расцвела. Ксения опустила глаза — скромно, с улыбкой. Андрей положил руку ей на спину. Отец стоял, как будто ничего особенного не сказал, но щёки его залились краской, и яркая улыбка сама расплылась по лицу. Они с женой много лет мечтали о внуках, но Андрей и Ксения делали карьеру и не торопились их радовать. А на Алису он особых надежд и не возлагал.

Алиса замерла.

Она посмотрела на Ксению. Потом на живот — тот самый, которого не было видно под пальто. Потом на мать. Потом на отца. Потом на брата.

Никто не смотрел на неё. Все смотрели на Ксению. — Поздравляю, — сказала Алиса. Ровно. И подняла свой бокал. — Спасибо, дорогая, — сказала Ксения. И улыбнулась.

Олег тоже поднял бокал. Что-то сказал Андрею — поздравление, шутку, она не слышала. Все задвигались, заговорили. Мать уже спрашивала про сроки, про врача, про роддом. Ксения отвечала — мягко, сдержанно, как всегда.

Алиса сидела с бокалом в руке. И не пила. Она с лёгкой улыбкой смотрела на Ксению. На то, как та держит спину. Как улыбается. Как говорит «мы» — и это «мы» теперь трое. Как Андрей смотрит на неё. Как мать суежится.

И что-то в ней сжалось. Медленно. Глубоко. Где она не позволяла себе чувствовать.

Под столом рука Олега накрыла её ладонь. Крепко. Коротко. Как будто он знал, что будет дальше. Как будто предупреждал. Или поддерживал.

Алиса не отняла. И не сжала в ответ. Просто оставила. И на секунду — всего на секунду — ей показалось, что он видит её. Настоящую. Не маску. Не дочь. Не жену. Её.

Он отпустил. Раньше, чем она успела привыкнуть.

Она поставила бокал. Не отпив.

— А вы когда? — спросила мать.

Пауза. Все посмотрели на Алису. И на Олега. Как будто ждали.

— Что «когда»? — спросила Алиса.

— Ну не делай вид, что не поняла. Ребёнок. Когда?

Алиса положила вилку. Не бросила — положила. Аккуратно.

— Мам, это не повод за столом.

— Это повод. Тебе тридцать пять. У Ксюши вон уже. А ты?

— Мама.

— Что «мама»? Я не сказала ничего такого. Я спросила. Или нельзя?

Олег вмешался.

— Маргарита Дмитриевна, мы работаем над этим.

Он улыбнулся. Нагло. Как всегда. Как будто всё — игра.

Алиса посмотрела на него. Коротко. Убийственно.

— Работаем? — переспросила мать. — Над чем там работать? Вам не двадцать.

— Мама, — сказал Андрей. Тихо. — Оставь.

— И ты туда же. Все всегда против меня. Я одна хочу, чтобы в доме был ребёнок.

— В доме будет ребёнок, — сказала Ксения. Мягко. — В марте.

— Один. А я хочу — двух. Трёх. Чтобы дом жил. Чтобы смех был.

Она посмотрела на Алису. И Алиса выдержала взгляд. Не отвела. Потому что если ответи — проиграет.

— Я работаю над этим, — сказала она. Ровно. Как Олег. И это прозвучало хуже, чем всё, что она могла сказать.

Мать отвернулась. Отец молчал. Андрей смотрел в тарелку. Ксения сделала глоток воды и взяла за руку мужа.

Олег хмыкнул. И отпил вина.

Алиса не ела. Просто сидела. С прямой спиной. И думала о том, как быстро можно уйти.

Вышли молча. Попрощались с родителями — формально, холодно. Мать что-то говорила вслед про субботу, про то, чтобы приезжали чаще. Алиса кивала. Олег улыбался. Оба играли.

В машине — тишина. Первые пять минут. Он вёл, она смотрела в окно. Потом он сказал.

— Ты могла бы ответить по-другому.

Она не обернулась.

— Что?

— Матери. Ты могла бы ответить мягче.

— Я ответила нормально.

— Ты ответила «я работаю над этим». Как робот.

Она повернулась.

— А ты? «Мы работаем над этим». Ты это сказал.

— Я защитил тебя.

— Ты отшутился. Это разное.

Он хмыкнул. Пальцы сжали руль.

— Я не собирался устраивать сцену за столом. В отличие от тебя.

— Я не устраивала сцену.

— Ты сидела с каменным лицом весь обед. Мать видела.

— Пусть видит.

— Она мать, Алиса.

— Она мать, а я не человек?

Он замолчал. Секунду. Потом — тише.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Нет. Не знаю.

Он выдохнул. Резко.

— Ты всегда так. Всегда — против. Всегда — одна. Всегда — права. А я — дурак, который не так сказал, не так посмотрел, не так ответил.

— Ты не дурак. Ты удобный.

Он резко повернул. К обочине. Затормозил. Обернулся к ней.

— Что?

— Ты удобный, Олег. Тебе удобно играть в мужа. Приходить, когда хочешь. Уходить, когда хочешь. Говорить «мы работаем над этим», зная, что никто над этим не работает.

— А ты?

— Он подался вперёд.

— Ты работаешь? Ты хочешь этого? Ты хоть раз сказала мне, чего ты хочешь?

Она молчала.

— Вот. Вот об этом я и говорю. Ты не хочешь. И не скажешь. Просто сидишь и ждёшь, когда я уйду. Или сама уйдёшь. Но чтобы первой — никогда.

— Я не уйду.

— Почему?

Она посмотрела на него. Долго. И не ответила. Потому что ответа не было. Или был — но не тот, который можно сказать.

Он откинулся на спинку. Завёл двигатель.

— Ладно.

— Что «ладно»?

— Ничего.

Он тронулся. И не сказал больше ни слова. Алиса тоже.

Олег остановился у подъезда. Не заглушил двигатель. Просто остановился — и смотрел прямо перед собой, руки сжимали руль до побелевших пальцев.

Она открыла дверь. Вышла. Не попрощалась.

Дверь ещё не закрылась, а он дал по газам. Резко. С места. Так, что её качнуло. Она обернулась — машина уже уходила, красные огни, рёв мотора. Олег показал ей всё, что не сказал за эти двадцать минут. Гнев.

Алиса постояла секунду. Смотрела вслед. Потом — отвернулась. И пошла к своей машине. Заходить домой, чтобы переодеться, не стала — едет ненадолго.

Завела мотор, достала телефон из сумки — и увидела.

Пять пропущенных.

Никита.

Она смотрела на экран. Долго. Пальцы висели над кнопкой.

Не перезвонила. Не написала. Набрала другой номер.

Гудок. Второй. Третий.

— Ковалёв.

— Это Алиса Любавская. Я могу приехать. Сегодня. Сейчас.

Пауза.

— Отлично, я жду вас.

— И ещё. Я хочу посмотреть тело. Третью. До захоронения.

Он помолчал.

— Хорошо. Я предупрежу. Вы знаете адрес?

— Знаю.

— Тогда жду.

Она сбросила. Положила телефон рядом. И тронулась. Никита. Пять пропущенных. Она не перезвонила. Но в голове — осталось. Как заноза.

Глава 5

Морг встретил её холодом.

Холод здесь был другой. Не уличный. Он забирался под одежду, под кожу, оставался на пальцах. Алиса шла по коридору за санитаром, и звук её каблучков отскакивал от стен слишком громко. Ей хотелось другой обуви. Тише. Чтобы вообще без звука.

Как будто здесь не должно быть звуков.

Ковалёв ждал у двери. В халате, поверх пиджака. Смотрел на неё без любопытства — просто фиксировал.

— Спасибо, что согласились.

— Я рада помочь.

— Это ценно! Мало, кто сейчас захочет просто помочь.

— А я не просто. Я для них хочу- Алиса кивнула в дверь, которую только что открыл санитар, и первое что кидалось в глаза- тело жертвы

Ковалёв пропустил её вперёд.

Комната была большой, белой с ярким холодным светом. Запах формалина въедался на столько, что даже вору чувствовался его вкус. В центре — стол на котором тело, накрытое простыней. Рядом — судмедэксперт, женщина лет пятидесяти, в очках, с папкой в руках. Она кивнула Алисе, как коллеге. Как будто они уже работали вместе.

— Белова, — сказала женщина. — Тридцать пять. Причина смерти — острая сердечная недостаточность. Патологий не выявлено. Токсикология чистая. Следов биологической жидкости несхожей с ДНК жертвы нет.

— Я знаю, — сказала Алиса. — Я читала.

— Тогда зачем приехали?

Алиса не ответила. Подошла к столу. Посмотрела на простыню. Потом на Ковалёва.

— Можно?

Он кивнул.

Она откинула простыню.

Женщина лежала на спине. Руки сложены на груди. Глаза закрыты. Выражение лица умеротворяющее, она точно не страдала, не было боли. Кожа серая, восковая — та самая, что на фото. Но на фото не было видно, какая она маленькая. Как будто усохла.

Алиса смотрела долго. Потом обошла стол. Медленно. Заглянула под руки. Под ноги. Ничего. Чисто. Как и писали.

Она вернулась к изголовью. Посмотрела на лицо. На руки. На грудь. Ничего. Ни следа. Ни зацепки.

— Спасибо, — сказала она патологоанатому.

— И всё?

— И всё.

Она вышла. Ковалёв — за ней. В коридоре он спросил:

— Что вы хотели найти?

— Не знаю, — сказала она. — Что-то.

— Нашли?

— Нет. Пока нет.

Он не стал допытываться. Проводил до выхода. Она кивнула на прощание и вышла на улицу.

Свет ударил по глазам — резкий, после морга. Она постояла секунду. Достала сигарету. Прикурила. И поехала.

Не домой.

К Изольде Марковне она приехала без звонка. Просто поднялась на четвёртый этаж, нажала кнопку. Дверь открылась почти сразу — как будто та ждала.

— Как я рада тебя видеть! — Изольда Марковна крепко обняла её. Алиса ответила тем же.

Алиса знала: здесь её всегда рады видеть. Можно просто, вот так, без звонка. Просто приди.

Квартира пахла старым деревом и табаком.

Изольда Марковна очень забавно смотрелась в кресле-качалке, что стояла перед панорамными окнами, за которыми открывалась вся красота Невского проспекта. Сидя укутавшись в клетчатый, тёмно-синий плед, с томом Маяковского и куря сигарету с мундштуком, хотя, признаться, курить она не любила и не умела. Но ей доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие сама атмосфера некой винтажной богемности, ну и то, что это чрезвычайно сильно раздражало её супруга, Константина Львовича.

— Вина?

— Давай.

Она налила. Села напротив. Поджала под себя ногу.

— Говори.

Алиса говорила долго. Про дело. Про три тела. Про то, что не сходится. Про Олега — вскользь. Про Никиту — ещё короче. Изольда слушала. Не перебивала. Иногда кивала. Иногда смотрела в окно.

— Этот Никита, — сказала она наконец. — Он не внушает мне доверия. Он не от мира сего!

Алиса подняла на неё глаза.

— Почему ты так решила?

— Я тебя слушала! Он из тех, кто играет в любовь. Но не умеет любить. Как ребёнок, который видел, как это делают взрослые, и повторяет. Но не понимает, зачем. Ему нужен процесс, только он его утомляет, и он сбегает. Но чувство собственности берёт верх, и он возвращается. Не потому что любит, а потому что боится: его игрушку заберёт кто-то другой, если он надолго оставит её без присмотра. Только вопрос: сколько у него таких игрушек?

Алиса молчала.

— Какие у него фетиши в постели?

Алиса с минуту смотрела на неё с прищуром, вспоминая или фильтруя, что стоит говорить, а что нет. Потом сказала:

— Он дикий. Животный. С ним не так, как с другими. Любит долгие поцелуи, руки, тело. Но ноги — только до колен. Это всегда так нелепо. Даже от случайного прикосновения к ступням его передёргивает, как будто боится испачкаться.

— Люди со странностями самые опасные! Я такого знала, — сказала Изольда. — Давно. Лет двадцать назад.

Она затаилась — неумело, как всегда. Дым пошёл в сторону.

— Только у него, напротив, был фетиш на ноги. Не на всё. На пальцы. Он целовал их. Лизал. Долго. Медленно. Между пальцами. Особенно между. Говорил, что там — самое сокровенное. Что туда никто не смотрит. И он может быть там один.

Алиса смотрела на неё. Не двигаясь.

— Я тогда смеялась, — сказала Изольда. — Молодая была. Глупая. А потом поняла: он не шутил. Он серьёзно. Это было его способом быть близко. Единственным. Потому что по-другому он не умел.

Она затушила сигарету. Посмотрела на Алису. И ничего не сказала. Потому что видела — та уже не здесь.

Алиса смотрела в стену. Потом — в никуда. Губы двинулись сами.

— Пальцы...

Изольда не переспросила.

Алиса замерла. И что-то складывалось. Медленно. По кускам.

Домой она вернулась к вечеру. Олега не было. Свет включала только в прихожей — часто так делала, полумрак до момента, пока не переоденется в домашнее. Объяснить почему — не смогла бы. Хотя никто и не спрашивал.

Прошла в гостиную. Холодно.

Бумаги — там же, на полу. Это успокаивало: у неё своя хронология изучения, и её нельзя было нарушать. Помощница это знала и не трогала то, что относилось к её работе, где бы это ни лежало.

Она закрыла оба окна. Света открывала их, чтобы выветрить запах сигарет, что бы Алиса накурила опять. И прошла в комнату.

Надела спортивные штаны, толстовку и высокие махровые носки. На полу холодно, а за столом неудобно.

Сделала кофе, взяла пепельницу и сигареты. Села на пол, обняла колени, и закурила, всматриваясь в фото жертв.

Голос Изольды эхом раздавался у неё в голове: «Между пальцами. Особенно между. Туда никто не смотрит. И он может быть там один».

Она замерла. Сигарета застыла в руке.

Пальцы ног. Она смотрела сегодня. В морге. Стопы. Пальцы. Но не между. Не раздвигала. Не смотрела в складку. Потому что не думала, что надо туда.

Она схватила телефон. Набрала.

Гудок. Второй. Третий.

— Ковалёв.

— Экспертиза Беловой — её делали полностью?

Пауза.

— В каком смысле?

— Смывы брали отовсюду? Смотрели пальцы ног? Между пальцами? Складки?

Молчание. Долгое.

— Я не знаю, — сказал он. — Я уточню.

— Уточните. Сегодня. Пожалуйста.

Пауза.

— Хорошо.

Она сбросила. Положила телефон на пол. Рядом с коленом.

Сигарета догорела. Пепел упал на бумаги.

Она смотрела на пепел. И ждала.

Глава 6

Она не помнила, как уснула. Помнила только, что сидела на полу, смотрела на телефон и ждала. Потом — резкий, дребезжащий звук.

Телефон. На полу, рядом с коленом. Экран светился.

Она открыла глаза и потёрла лицо рукой, стирая морок. В комнате полумрак, неясно, какое время суток — то ли утро, то ли ещё ночь.

На экране — Ковалёв.

Она взяла. Долго не могла нажать. Пальцы не слушались.

— Да, да. Слушаю.

— Алиса Максимовна? — В трубке пауза. — Извините, что разбудил!

— Всё в порядке, я ждала.

— Я уточнил.

Она села. Вытянув ноги, почувствовала, как затекла спина — спала на полу, скрючившись.

— И?

— Экспертизу делали полностью. По стандарту.

Она ждала. Сердце стучало где-то в горле.

— Но между пальцами не смотрели. Это не входит в стандарт.

Она выдохнула. Медленно. Или, наоборот, задержала дыхание. Сама не поняла.

— А можно?

Пауза.

— Тело ещё не захоронено. Но его заберут послезавтра. Родственники объявились.

— Значит, сегодня.

Молчание. Долгое. Она слышала его дыхание в трубке. Усталое. Как у всех здесь. Как у неё.

— Я не уверен, что это что-то даст, понимаете? — сказал он.

— А если даст?

Ещё пауза.

— Хорошо, — сказал он. — Я договорюсь. Попробую.

— Можно мне присутствовать? — с отчаянной надеждой, на тон выше выпалила Алиса, боясь, что он сбросит вызов раньше, чем она скажет.

— Не обещаю. Перезвоню.

Он сбросил. Она медленно убрала телефон от уха и посмотрела на экран. 5:30 утра.

Светало, но небо оставалось тёмным, мокрые крыши. Она открыла окно, чтобы запустить воздух. Олег не пришёл. Или пришёл и ушёл. Она не слышала.

Тело ныло, шея затекла. Она прошла на кухню и включила чайник. Закурила. И стала ждать.

Она сидела на кухне. Нервно, мелкими глотками пила кофе. Выкупила сигарету, прикурила вторую. Потом третью, её уже не курила, просто держала как ретуал. Живот ныл и чувство тошноты подступало к горлу. Голод. Алиса обреченно открыла холодильник, достала творог и яблоко, ну хотя бы что-то. "Надо заказать доставку" проговорила она вслух, как буд-то напоминая самой себе что организм кроме курить, надо ещё и кормить. Взяла листок и написала "Милая Света! Пожалуйста, закажите продукты и что то готовое. У меня совсем нет времени этим заниматься! Благодарю"

Пока ела, нервно смотрела на телефон. Она не умела ждать. Ожидание разрывает и лишает выбора действий.

Шесть тридцать. Шесть. Шесть двадцать.

Она смотрела на телефон. Он лежал на столе, экраном вверх. Молчал. Она все таки же сидит за чашкой недоеденного творога и покусанного яблока. В пепельнице, по меньшей мере двенадцать огурцов.

В шесть тридцать пять — зазвонил. Она вздрогнула. Взяла.

— Да.

— Алиса Максимовна. Вас пустят.

Она сжала кулак и улыбнулась уголком губ. "Да!" Разделось в её голове.

— Когда?

— Через час. Я предупрежу. Спросите Дмитрия Сергеевича, это патологоанатом. Он вас встретит.

— Спасибо.

Пауза.

— Алиса Максимовна.

— Да?

— Я не знаю, что вы ищете. Но если найдёте...

Она помолчала и сбросила. Положила телефон и пошла собираться.

Собралась быстро. Чёрные брюки, серая рубашка — та, что висела на спинке стула со вчера. Рукава подкатала. Пуговицы застегнула не все. Лоферы — на шнурках. Подкрасила ресницы. Хотя в морге не смотрят на лица.

Волосы — в тугой пучок, чтобы ничего не отвлекало. Перед выходом она остановилась. Посмотрела на листок для Светы. Потом на пепельницу. Потом на телефон. Взяла. И вышла.

Дорога заняла двадцать минут. Для неё — целую вечность.

Она чувствовала возбуждение. Не радость, не страх — что-то среднее. Как перед прыжком. Когда ещё стоишь на краю, но тело уже знает: сейчас будет. Что-то найдётся. Просто знала. Женское чутьё никогда не подводило. Ни в чём. Ни в людях, ни в делах. Оно молчало годами, но когда говорило — Алиса слушала. И сейчас оно говорило. Ехала — и внутри всё сжималось. Как перед экзаменом, который не сдавала. Как перед первой лекцией. Как перед первым свиданием. Только это было важнее. Потому что там были они. Три женщины. Которые её не знали. Которые уже не расскажут. Она смотрела

на дорогу, но видела не её. Видела три тела. Три постели. Три закрытые пары глаз. И думала: что, если там — ничего? Что, если она ошибается? И тут же — другая мысль: Нет! Не ошибается.

Утро уже вступило в силу — серое, но светлое. Питер не любил утро. Питер любил сумерки. Как она.

Алиса припарковалась у того же здания. Тот же вход. Только теперь она знала, куда и зачем идёт. Полная решимости. Без страха и сомнений.

Вошла — и её встретил тот же кафель, тот же холод, тот же запах формалина. Но сегодня она сама была другой. В прошлый раз её каблуки разрывали тишину, нагло вторгаясь туда, где её не должно было быть. Как будто она не имела права. Сейчас — лоферы. Мягкая кожа, почти без звука. Шаги ровные. Спокойные, но твёрдые. Она шла так, как ходят люди, которые точно знают, зачем пришли.

Дмитрий Сергеевич ждал у двери. Мужчина лет шестидесяти, в очках, с усталым лицом. Он не спросил, кто она. Просто кивнул.

— Вы от Ковалёва?

— Да.

— Халат. Перчатки. И ничего не трогайте руками.

Она надела халат. Перчатки. Вошла.

Комната была та же. Белая. Холодная. Яркий свет. Белова лежала на том же столе. Уже не под простыней. Голая. Серая. Восковая. Как будто её никогда и не было.

— Что смотреть? — спросил Дмитрий Сергеевич.

— Ноги.

— Что именно?

— Между пальцами. Складки.

Он взял левую стопу. Приподнял. Алиса наклонилась. Свет был яркий, холодный. Она смотрела. Сначала — ничего. Кожа. Серость. Холод.

— У вас есть УФ? — спросила она.

Дмитрий Сергеевич посмотрел на неё долго, вспоминая. Потом — на полку. Взял маленький синий металлический фонарик.

Щёлкнул кнопкой, и свет погас.

В комнате стало темно. Не совсем — где-то в углу горела дежурная лампа, и от неё по стенам расплзались серые тени. Но стол, стопа, пальцы — всё утонуло. Только синеватый отблеск на коже.

Он медленно вёл лучом. Начал с пятки. Повёл выше. По своду. По косточкам. По пальцам. Один за другим. Долго. Тщательно.

Алиса смотрела.

Сначала — ничего. Кожа светилась ровно, сине-белым, как бумага под лампой. Потом — тени. Потом — пятна. Потом — ничего. Пусто.

Он повёл назад. Медленнее. По второму кругу. И задержался. Между третьим и четвёртым пальцами. У самой складки.

И тогда она увидела.

Свечение. Слабое. Голубоватое. Не кожа. Не пот. Что-то другое. Тонкое. Засохшее. Смазанное. Как будто его пытались стереть. Но не дотёрли. Оно осталось. В самом узком месте. Там, куда не достаёт мочалка. Там, куда не смотрят.

Она замерла. Сердце ударило где-то под рёбрами. Один раз. Два.

— Вот, — сказала она. Голос сел. Она прокашлялась. — Видите?

Дмитрий Сергеевич наклонился. Ближе. Луч дрогнул в руке — он тоже увидел. Посмотрел на неё. Потом — снова на стопу. Потом — снова на неё.

— Вижу, — сказал он тихо.

И в этой тишине, в синем свете, на белой коже было то, что она искала. То, что он оставил. Как подпись. Как метку.

Она сняла перчатки. Медленно, палец за пальцем. Сняла халат. Сложила. Положила на край стола. Руки дрожали — чуть-чуть, она сама не сразу заметила.

— Когда будет результат? — спросила она.

— Завтра. Или послезавтра. — Дмитрий Сергеевич снял очки, протёр стекло краем халата. — Как Ковалёв попросит, так и сделаем.

— Можно ускорить?

— Можно. Если он позвонит.

Пауза. Она смотрела на стол. На Белову. На простыню, которой её снова накроют. На пробирки — три штуки, с образцами. След.

— Вы верите? — спросил он вдруг.

Она подняла глаза.

— Во что?

— Что это — он.

Она молчала. Долго. Потом:

— Я не знаю, кто он. Но я знаю, что это след. И я знаю, что его не должно быть, между пальцами у мёртвой женщины, но он есть! — Она выдержала паузу. — Проверьте. Пожалуйста.

Он кивнул. Не сказал «хорошо». Не сказал «ладно». Просто кивнул. И это было больше. Алиса пошла к двери. У порога обернулась.

— Если результат будет раньше — позвоните. Мне. Не Ковалёву.

Дмитрий Сергеевич посмотрел на неё. Долго. Потом:

— Хорошо.

Она вышла на улицу и жадно вдохнула свежий, мокрый воздух. На ней всё равно чувствовался этот запах: формалин, холод, чужое тело. Он оставался. Как будто вёлся.

Села на лавку, что стояла у входа, и закурила. Давала себе время переварить то, что только что произошло. Курила и смотрела: люди, машины, кто-то с собакой, кто-то с ребёнком. Живут, как будто ничего не случилось. Как будто за этой стеной не лежит тело красивой, молодой женщины тридцати пяти лет. Жертвы какого-то психопата, который лижет ноги.

«Не понимаю! Он был там. Пил с ними. Целовал их. Трогал. Между пальцами. Там, где никто не смотрит. И оставлял след. Как метку, думая, что никто не найдёт».

Она закрыла глаза. И тут же — другая мысль. Острая. Неприятная.

Она смотрела на Белову. А Белова смотрела на неё? Нет. Белова была мёртвая. Но она была — такая же. Тридцать пять. Одинокая. Впустила его.

А если бы её нашли так?

Она открыла глаза. Села в машину, завела двигатель и поехала домой.

Дорога заняла полчаса. Пробки ещё не начались. Питер спал. Или делал вид, что спит.

Ализа зашла в квартиру и рухнула на пуфик у входа. Накатила резкая усталость или напряжение этих дней. Сняла лоферы. Прошла в гостиную. Посмотрела: бумаги — там же, на полу. " Не сейчас" - подумала она и раздеваясь пошла в ванную. Обычно она принимала душ, всегда, что бы не тратить время, но сейчас ей очень хотелось, что-бы вода согрела её, что бы она смыла запах морга, ей это было совершенно необходимо. Включила кран и поставила столик на ванную, пошла сварить кофе. Вернулась с кофе, телефоном, пепельницей и сигаретами. Сняла остатки одежды и медленно погрузилась в чашу с горячей водой. Мурашки разбежались по кожи и жар окутал все тело. «Какой это, оказывается, кайф — просто лежать», — подумала она. Она не помнила, когда в последний раз вот так. Не в душе — в ванне. Не спеша. С кофе. С сигаретой. Обычно всё было быстро: сполоснуться, выскочить, одеться, бежать. А сейчас — можно было не бежать.

Тело медленно отходило. Плечи, спина, шея — всё, что держалось эти дни, отпускало. Она вытянула ноги. Вода была горячая, почти обжигала, но именно так и надо было. Именно так.

Взяла кофе с бортика. Сделала глоток. Потом закурила. Пепел стряхивала в пепельницу — та стояла на столике, рядом с телефоном. Дым шёл в потолок, клубился, мешался с паром и расплзался по плитке.

И в голове снова — он.

«Он был там. Пил с ними. Целовал их. Трогал. Между пальцами. Там, где никто не смотрит. И оставлял след. Как метку. Думая, что никто не найдёт. Чёртов псих».

Она зажмурилась. Открыла глаза. Отпила ещё.

Дмитрий Сергеевич сказал — завтра. Или послезавтра. Как Ковалёв попросит. А если Ковалёв не попросит? Если не станет ускорять? Сколько ждать? День? Два? Неделю? Нет, нет. Он тоже заинтересован, чтобы быстрее. Ему не нужна ещё одна жертва.

Телефон лежал на столике, рядом с пепельницей. Экран тёмный. Никто не звонил. И слава богу.

Она докурила. Затушила. Закрыла глаза.

Вода остывала.

И тут — телефон. На столике, рядом с пепельницей. Экран загорелся.

Она открыла глаза. Посмотрела. Никита.

Не ответила сразу. Просто смотрела, как он звонит. Как экран светится в темноте ванной. Как дрожит.

Потом взяла. Мокрыми пальцами. Чуть не выронила.

— Да.

— Ты не спишь? — Он говорил тихо. С паузами. Как будто курил между словами.

— Не сплю.

— Я соскучился.

Она закрыла глаза. Медленно.

— Я тоже.

— Ты где?

— Дома.

— Что делаешь?

— Лежу.

— В ванне?

Она усмехнулась. Коротко. Без веселья.

— В ванне.

— Одна?

— Никит.

— Что? Я просто спросил.

Она молчала. Вода остывала. Он дышал в трубку.

— Я хочу тебя...

Она молчала. Не хотела отвечать.

— Ты какая-то странная последние дни.

— Я устала.

— Ты всё устала. Ты уже неделю устала.

— Много работы.

— Работы, — повторил он. — Или что-то ещё?

Она замерла. Сердце ударило. Один раз. Два.

— Что ты имеешь в виду?

Он молчал. Она слышала, как он затаился.

— Ничего. Просто спросил.

Она не поверила. Но не стала спрашивать.

— Я хочу тебя видеть, — сказал он резко, как отрезал. — Сегодня. После работы. Приезжай.

— Не могу.

— Почему?

— Дела.

— Какие дела? Ты же не в клинике сегодня.

Она замерла. Откуда

он знает?

— С чего ты взял?

— Ты сама говорила. В прошлый раз.

Она выдохнула. Медленно. Да. Говорила. Давно. Но он запомнил.

— Всё равно не могу.

— Почему?

— Устала. Хочу побыть одна.

— Ты всегда хочешь побыть одна.

— Никит.

— Что?

— Давай вечером. Я приеду. Сама.

Он молчал. Долго. Она слышала, как он курит.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Ладно, — сказал он. — Вечером.

— Вечером.

— Я люблю тебя.

Она молчала. Секунду. Две. Потом:

— Я знаю.

Он сбросил. Она положила телефон на столик.

И только тогда поняла, что не дышала.

Вода была холодная.

Она вышла из ванны. Завернулась в полотенце и прошла в спальню. Надела мягкие домашние брюки, старую футболку, тёплые носки. Снова прошла в ванную — чтобы расчесать волосы и намазать лицо кремом: от воды жутко стянуло кожу.

Готовить не хотелось. Да не было, ни времени, ни продуктов. Решила заказать что-то готовое, не думая, что, просто ткнула в первое, что открылось. Доставка через сорок минут.

А пока — кофе. Спасибо Светочке: следит за этим и вовремя пополняет запасы кофе и сигарет. Это они обсудили при найме. Что это надо пополнять регулярно. В первую очередь.

Она снова села на пол, спиной к дивану. Только в этот раз подложила подушку, которую стащила с дивана. Поджала ноги. Разложила фото: три женщины, три постели, три закрытые пары глаз. Смотрела внимательно, как будто впервые. Но в этот раз — не на лица, не на руки и не на позы.

Она смотрела на ступни.

Взяла первое фото. Придвинула ближе. Кружка на полу, у кровати. Ноги жертвы — под простыней. Видны только пальцы. Она наклонилась. Прищурилась. Пальцы как пальцы. Ничего.

Второе фото. Чашка на подоконнике. Ноги вытянуты. Пятки. Свод. Пальцы. Она водила взглядом по каждому. Медленно. Как будто могла что-то увидеть. Что-то, что пропустили, что-то, что осталось. Ничего.

Третье. Белова. Стул у окна. Чашка. Ноги. Она смотрела долго, очень долго. Пальцы, складки. Она знала, что там — след, но на фото его не было. Слишком мелко, слишком тёмно, слишком ничего.

Она отложила фото и взяла следующее. Потом ещё, потом вернулась к первому, потом разложила все три и смотрела на картинку в целом.

Ни-че-го!

Она откинулась назад, головой на диван, и закрыла глаза. «Бесполезно! На фотографиях — не видно, только в морге и только под УФ». Она открыла глаза. И увидела, что экран телефона загорелся. Ковалёв.

Ответила на звонок.

— Да.

— Алиса Максимовна, здравствуйте! Хотел узнать, как у вас всё прошло?

— В целом продуктивно, думаю, что нашла зацепку... Но нужна ваша помощь.

— Слушаю.

— Нужно ускорить процесс. Патологоанатом ждёт вашей команды, без неё он не будет.

— Что за зацепка?

— След, между пальцами ног.

Он помолчал несколько секунд.

— Вы уверены?

— Я уверена, что это след, — сказала она ровно. — А чей — покажет экспертиза. Но если вы не ускорите, мы можем не успеть.

— Почему?

— Тело заберут родственники послезавтра, забыли?

— Точно, запомнил! Хорошо, я позвоню ему сейчас.

— Спасибо.

— Алиса Максимовна.

— Да?

— Спасибо вам.

Она не ответила и сбросила, положила телефон на пол.

И тут — резкий звонок в дверь, два раза.

Курьер. Молодой, в жёлтой куртке, улыбнулся, протянул пакет.

— Ваш заказ.

— Спасибо.

Прошла на кухню, чтобы сразу поесть, иначе потом забудет. Открыла пакет, внутри — паста, ещё горячая, в картонной коробке. Пахло базиликом и сыром, и она вдруг поняла, что голодна по-настоящему.

Села за стол и включила телевизор для фона, не любила есть в тишине. В тишине было не вкусно. Поставила коробку перед собой, накрутила на вилку первую порцию и стала есть. Первый кусок — как будто впервые, тёплый, солёный. Она жевала, смотрела в экран, но не видела, что там, и ела.

Просто ела, медленно. Паста остыла, но она всё равно доела. Потом вымыла коробку — не для порядка, просто чтобы чем-то занять руки. Выбросила и вернулась в гостиную. На полу: бумаги, фото, с фото смотрят чашки, а она на них. Постояла так пару минут, чувствуя как усталость легла на плечи. Развернулась и пошла в спальню. " Голова не думает,

смысла сидеть нет, толку не будет!" Легла. Поверх одеяла, накрывшись свободным краем и вырубилась.

Проснулась от того, что в прихожей хлопнула дверь.

Темно и не понятно, сейчас вечер или ночь. Голова тяжёлая, но тело расслабилась. Она села, посмотрела на телефон — 19:40. Проспала пять часов.

В коридоре — шаги.

Она не встала, так и сидела на кровати. Слушала как он снимает обувь, как бросает ключи на столик, как идёт. Он вошёл в спальню и остановился в дверях. Посмотрел на неё, потом — на гостиную. Через открытую дверь было видно: бумаги, фото, чашки.

— Ты опять.

Она не ответила, только непонимающе смотрела на него.

— Ты весь день здесь сидела?

— Не весь.

— А где была?

— В морге.

Он замер.

— Где ты была? В морге?

— Да.

— Зачем?

Она посмотрела на него. Долго. И сказала — ровно, без эмоций:

— Работаю.

— Работаешь, — повторил он. — Ты работаешь в морге?

— Да.

— С каких пор?

— С недавних.

Он вошёл, сел на край кровати. Близко, слишком близко. Она не отодвинулась.

— Ты мне не рассказывала.

— Ты не спрашивал.

— Сейчас спрашиваю.

Пауза. Она молчала.

— Алиса. Что происходит?

— Ничего.

— Не ври.

— Я не вру.

— Ты исчезаешь. Ты не спишь. Ты куришь в квартире. Ты ездишь в морг. Ты читаешь дело какого-то убийцы. И ты мне ничего не говоришь.

— А ты мне говоришь?

Он замолчал.

— Ты говоришь мне, где ночуешь? С кем? Почему?

— Это разное.

— Чем?

— Тем, что я — это работа. А ты — это ты.

— А ты — это кто?

Он не ответил, просто с минуту смотрел на неё, потом встал.

— Я не буду это слушать.

— Да и не слушай, как будто когда-нибудь слушал.

— Что ты сказала?

— Со слухом проблемы? Ты же доктор, иди, тебя коллеги полечат. Или ты только в постели с ними взаимодействуешь?

— Остановись!

— Ты вообще какого чёрта пришёл сюда, а? — Алиса вскочила с кровати и вплотную подошла к нему. — Что тебе здесь надо?

— Угомонись, я сказал тебе!

— А если нет, то что?

Его лицо становилось пунцовым, желваки ходили, дыхание стало шумным. Он сжал кулаки, но не замахнулся — просто сжал, так, что костяшки побелели. Она посмотрела на его руки, ему в глаза и сказала:

— Ты омерзителен! Шлюха, который бегают по разным койкам, а потом приходит сюда и строит из себя святошу, иди...

— Закрой свой рот, — прошипел он, оборвав её на полуслове. — Скажи спасибо, что я не быю женщин.

— Боже, какое благородство! Ты их не бьёшь, ты их трахаешь, каждый день новых!

Воздух был накалён настолько, что казалось, если бы Алиса чиркнула зажигалкой, чтобы прикурить, в комнате раздался бы взрыв и всё разлетелось бы на куски. Олег только покачал головой, развернулся и ушёл. Он знал это её состояние, он всё о ней знал. До брака, когда они ещё были студентами, они были очень близки. Не просто друзья, а как близнецы. Все эти киношные фразы про «договаривают за друг другом», «читают мысли», «общаются взглядом» — это всё было про этих двоих. Они безумно любили друг друга, самой нежной любовью, а потом что-то пошло не так. И это что-то — договорной брак. Поначалу всё шло неплохо, потом Алиса увидела его переписку с какой-то пациенткой совсем не по теме лечения. Он не стал врать и напомнил, что их брак — фикция в чистом виде, и да, им вместе хорошо, но ему

хорошо и с другими женщинами. Эта новость не дала трещину — она разбила напрочь всё, что их связывало все эти годы.

Теперь он сидел в машине, и жгучие слёзы катились по его щекам. «Он сделал всё, чтобы она его ненавидела» — эта мысль пульсировала в его голове как приговор.

Алиса стояла у окна и наблюдала, как машина тронулась резко, с пробуксовкой. Шины взвизгнули, дым из-под колёс, и её качнуло назад. Потом — рывок вперёд. Потом — снова. Как будто он не мог решить, ехать ему или стоять. Взгляд её был холодный, вся боль застряла где-то в горле, она взяла телефон и быстро набрала сообщение: «Приеду сегодня».